

Половая дифференциация детей усиливалась в возрасте 7–13 лет. Примерно с этого возраста начиналось раздельное воспитание девочек и мальчиков. С этого времени братья и сестры начинали спать в раздельных постелях. Девочки впервые надевали простенькие украшения — сережки и плоские браслеты (Востров 1960: 173), начинали носить девичий головной убор — круглую шапочку, часто украшенную перьями филина, — *тақия, телпек, кепеш* — или теплую шапку с меховой опушкой — *бөрік*. (Задыхина 1951: 164; Захарова, Ходжаева 1964: 106–109). В конце XIX века получило распространение девичье платье, украшенное оборками. Часто такие платья украшались вышивками, располагающимися на оборках или прикрывающими швы (Захарова, Ходжаева 1964: 81, 83). Каждая девушка имела расшитые и украшенные позументом, монетами и вышивками камзол и безрукавку. До 12–13 лет распространенным обращением к девочкам было *қызалақ*, что так и переводится — «девчонка».

2.2. Девичество, подготовка к замужеству

Для девочек значимым возрастом был 12–13-летний рубеж. После первого возрастного цикла — *мушел*² — детство для казахской девочки заканчивалось и начиналось специализированное воспитание, подготовка к замужеству. Из возрастной группы *қыз бала* девочка переходила в следующую группу девушек — *қыз*. Взрослые женщины начинали строго следить за исполнением этикетных норм молодой девушкой, уже не позволяли (даже в играх) свободно общаться с мальчиками, как это было раньше. Вместе с детством заканчивалась и детская свобода, начиналась серьезная трудовая социализация. Девочек-подростков, с детских лет помогавших своим матерям по хозяйству и в уходе за младшими детьми, начинали более активно привлекать к домашнему труду, обучать женским домашним ремеслам. К 13–14 годам девочки, уже обладая всеми необходимыми навыками ведения хозяйства и ухода за детьми, становились полноправными членами женского коллектива семьи.

Как справедливо отмечает казахская исследовательница Н. Шаханова, все эти изменения в прическе, костюме, этикетной ориентации,

² В традиционной культуре народов Центральной Азии срок жизни человека разбивался на 12-летние циклы — «мушель» (подр. см.: Мухамбетова 2001).

хозяйственной деятельности призваны были маркировать существенное изменение — так называемый возраст половой гомогенизации, первые гормональные сдвиги, начало менструального периода у девочек (Шаханова 1998: 54). В 13–15 лет девушка была уже способна к деторождению и, следовательно, исходя из традиционных представлений, могла выйти замуж. По данным переписи казахского населения 1897 года, в северных областях была зарегистрирована выдача замуж 355 девочек до 10-летнего возраста; 1045 начали семейную жизнь в 10–12 лет; 4225 вышли замуж в 13–14 лет; 19 354 — в 15–16 лет (Усенова 1986: 30). У казахов есть пословица: *Тұзды көп сақтама су болар, қызды көп сақтама күң болар* — «Соль долго не береги — замочишь, дочь долго не держи — обратится в рабыню» (см., напр.: Табышалиева 1998: 42).

Европейцы, познакомившись с жизнью и нравами кочевников, были поражены обычаем заключения ранних браков и считали его безнравственным, свидетельствующим о полном бесправии казахских девушек, которых отдавали в замужество в несовершеннолетнем возрасте. Высокая смертность среди казахских женщин неоднократно объяснялась ими как следствие раннего замужества, тяжелой работы и ранних родов казашек.

Но с точки зрения самих носителей традиции — казахов, ничего противоестественного в обычае выдачи замуж девочки 9–12 лет не было. Для сравнения приведем данные по брачному возрасту казахских юношей: по данным адата, молодые люди 12–15 лет считались совершеннолетними, они имели право вступать в брак, «отлучаться, наниматься и заниматься делом (самостоятельно. — *И.С.*) без спроса» (Гродеков 1889а: 34, 36). По этому поводу у казахов существовала пословица: *Он бес жыл отау иесі*, что значит: «В пятнадцать лет — хозяин кибитки» (Гродеков 1889а: 43, 55).

Ранние браки чаще всего практиковались семьями с тяжелым экономическим положением. Состоятельные казахи, как отмечают исследователи XIX века, выдавали замуж своих дочерей в 20-летнем возрасте, а бывало и позже (Плотников 1870а: 124). Родители, которые не имели возможности прокормить многочисленных детей, стремились как можно раньше договориться о браке и отдать девушку в семью ее мужа. Часто в семью будущего мужа брали уже сговоренную малолетнюю девочку, оставшуюся сиротой. Девочка воспитывалась родителями будущего мужа, как только достигала половой зрелости, становилась женой. Иногда поводом к заключению раннего брака становилась смерть жениха. По обычаю его невеста, за которую уже

выплачен калым, переходила к его брату, который мог потребовать немедленного заключения брака и передачи несовершеннолетней невесты в его семью. А родители девушки соглашались, боясь потерять оговоренный или уже полученный калым.

Но все же, как можно заметить, в конце XIX — начале XX века самым распространенным брачным возрастом девушки считался 15–16 летний рубеж (*бойжеткен* — «на выданье»). Именно в это время в ее костюме появлялись маркеры особого добрачного возраста. И в этом смысле для девушки основными знаками, подчеркивающими ее возраст, были всевозможные украшения. Полный комплект украшений включал накосные украшения, серьги, браслеты, кольца, нагрудные украшения. Если в возрасте 13 лет девочки-подростки носили лишь отдельные части этого комплекта, то девушки 15–16 лет носили его в полном виде, что, по сути, являлось демонстрацией своеобразного посвящения их в возрастную группу невест. Некоторые детали девичьего костюма, например накосные украшения, молодые женщины продолжали носить и после замужества, а по прошествии времени дарили их своим сестрам или девушкам из семьи мужа.

2.3. Игровое воспитание и обучение детей

Как и у многих других народов, игры казахских детей и молодежи отражали половозрастное деление общества. Среди традиционных игрушек казахских детей есть игрушки, которыми предпочитали играть мальчики, и игрушки, которыми играли преимущественно девочки. Любимым занятием девочек 3–10 лет была игра с куклами, которых обычно они сами и делали из обмотанных тканью соломинок чия (песчаного тростника). Куклы (*кьюришақ*) были достаточно схематичны и очень редко имели обозначенное лицо. Запрет на обозначение лица куклы объяснялся тем, что антропоморфность изображения в традиционном сознании всегда ассоциировалась с представлениями о душе, которая, странствуя по миру, может вселиться в подходящее, похожее на человека изображение. Скорее всего, куклы с прорисованным или вышитым лицом появляются не ранее второй половины XIX века и отражают поздний этап в развитии традиционной казахской игрушки.

Лицо куклы почти всегда оставалось «пустым», но при этом ее костюм часто достаточно точно повторял реальный традиционный костюм человека. В зависимости от того, кого изображала кукла, это